

Оригинальная статья

УДК 165.0

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-29-42>

Метафорическая истина и неопрагматический реализм

Хилари Патнэма

Петр Александрович Ильин

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
peter-2007@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4476-6414>*

Введение. Проблемы референции, истины и реализма являются очень значимыми для современного философского дискурса. Интересные трактовки данных проблем дали такие мыслители, как Поль Рикёр и Хилари Патнэм. Будучи изначально представителями разных философских традиций, они оба тем не менее пришли к схожим выводам по ряду обозначенных выше вопросов, что позволяет говорить о возможной перспективе плодотворного философского синтеза позиций двух авторов. Целью работы является обоснование теоретической возможности подобного синтеза, а именно того, как разные элементы теории Патнэма могут быть улучшены привлечением подхода Рикёра, изложенного в его концепции метафорической истины. Несмотря на очевидную близость двух авторов, на данный момент не существует работ, где концепция метафорической истины Рикёра была бы сопоставлена с философией Патнэма.

Методология и источники. Чтобы решить эти задачи мы прибегли к изучению авторских первоисточников, в которых раскрывается методология обоих философов. Особая актуальность статьи связана с необычным ракурсом рассмотрения проблем, важных для философии конца XX – начала XXI в., связанных с осмыслением нашего мышления, роли языка в создании картины мира и вытекающей отсюда возможности построения онтологии особого толка.

Результаты и обсуждение. В результате исследования было выявлено множество пересечений в рассмотрении авторами концепции истины, проблемы реализма и теории референции, а также в том, как философы определяют связь между языком и реальностью. Больше всего сходств обнаружено в соотношении между концепцией метафорической истины Рикёра и философией Патнэма периода внутреннего реализма.

Заключение. В статье делается вывод о том, что в философских подходах обоих мыслителей очень много общих интуиций относительно того, в каком направлении можно развивать исследования теории истины и референции, а также проблемы реализма как одной из фундаментальнейших проблем философии на протяжении всей ее истории.

Ключевые слова: Поль Рикёр, Хилари Патнэм, реализм, антиреализм, метафорическая истина, научный реализм, референция, внутренний реализм, метафизический реализм, естественный реализм

Для цитирования: Ильин П. А. Метафорическая истина и неопрагматический реализм Хилари Патнэма // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 29–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-29-42.

© Ильин П. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Metaphorical Truth and Neopragmatic Realism of Hilary Putnam

Peter A. Ilyin

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
peter-2007@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4476-6414>*

Introduction. The problems of reference, truth, and realism are extremely important for contemporary philosophical discourse. Interesting interpretations of these problems have been given by such thinkers as Paul Ricoeur and Hilary Putnam. Instead of being originally representatives of different philosophical traditions, Ricoeur and Putnam came to similar conclusions on a number of the above issues, which allows us to speak of the possible prospect of a fruitful philosophical synthesis of the two authors' positions. The aim of this paper is to justify the theoretical possibility of such a synthesis, namely to show how the different elements of Putnam's theory can be improved by using Ricoeur's approach, which is outlined in his concept of metaphorical truth. Despite the obvious proximity of the two authors, there are currently no works where Ricoeur's conception of metaphorical truth was compared with Putnam's philosophy.

Methodology and sources. To meet this challenge, we have resorted to an examination of the author's primary sources, which reveal the methodology of both philosophers. Special relevance of the article is connected with the unusual perspective of considering the problems that are important for the philosophy of late 20th-early 21st century. These are problems that related to the comprehension of our thinking, the role of language in creating a picture of the world and the resulting possibility of building a special kind of ontology.

Results and discussion. The study revealed many overlaps in the authors' consideration of the concept of truth, the problem of realism, and the theory of reference, as well as in the way that both philosophers define the relationship between language and reality. The most similarities were found in the relationship between Ricoeur's concept of metaphorical truth and Putnam's philosophy of inner realism.

Conclusion. Thus, we can conclude that the philosophical approaches of both thinkers share a great deal of intuition about the direction in which research of truth and referential theory and the problem of realism that is one of the most fundamental problems of philosophy throughout its history can be developed.

Keywords: Paul Ricoeur, Hilary Putnam, realism, anti-realism, metaphorical truth, scientific realism, reference, inner realism, metaphysical realism, natural realism

For citation: Ilyin, P.A. (2023), "Metaphorical Truth and Neopragmatic Realism of Hilary Putnam", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 29–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-29-42 (Russia).

Введение. Тема реализма благодаря усилиям спекулятивных реалистов приобрела большое значение в современном философском дискурсе. В контексте попытки вернуть философии прямой доступ к реальности (концепция философии прямого доступа), которая понимается спекулятивными реалистами как независимый от сознания субъекта объективный мир, становится актуальным стремление выявить реалистический потенциал различных философских направлений. Одним из таких направлений является неопрагматизм. Однако для раскрытия реалистического потенциала неопрагматизма может быть необходимо использование потенциально родственных ему методологий, предложенных философами иных направлений. Философом, способным предложить такую методологию, с нашей точки

зрения, может быть Поль Рикёр. В своей концепции метафорической истины он предлагает особое обоснование онтологии, находясь при этом на стыке традиций аналитической и континентальной философии, что в целом присуще неопрагматизму как философскому направлению и в частности – неопрагматической философии Хилари Патнэма. Целью данной статьи являются: попытка применить методологию концепции метафорической истины Рикёра для раскрытия реалистического потенциала философии Патнэма; обоснование теоретической возможности методологического синтеза неопрагматической философии Хилари Патнэма и концепции метафорической истины Поля Рикёра с целью понимания того, как элементы теории Патнэма могут быть улучшены с привлечением подхода Рикёра.

Методология и источники. Цель статьи предполагает синтетический характер методологии исследования. Работа идет на стыке аналитической и континентальной традиции философствования. При этом как подходу Хилари Патнэма, так и подходу Поля Рикёра свойственно обращение к обеим философским традициям. Значительное место в анализе занимает методология спекулятивных реалистов, а именно общая для всех представителей этого направления концепция философии прямого доступа. Основным методом исследования является герменевтика текстов.

Результаты и обсуждение.

Реализм, референция и истина. Проблема реализма является стержневой для философии одного из представителей неопрагматизма Хилари Патнэма. Как замечает исследователь его философии Л. Б. Макеева, это легко подтвердить, если мы взглянем на заголовки работ Патнэма: «Сознание, язык и реальность» («Mind, Language and Reality», 1975), «Реализм и разум» («Realism and Reason», 1983), «Многоликость реализма» («The Many Faces of Realism», 1987), «Репрезентация и реальность» («Representation and Reality», 1989), «Реализм с человеческим лицом» («Realism with a Human Face», 1992) и т. д. [1, с. 5]. Однако понятие реализма может пониматься по-разному. Одна из ключевых дискуссий вокруг этого понятия тесно связана с идеями Хилари Патнэма. Все его творчество можно разделить на три периода: ранний – период научного реализма, средний – период внутреннего реализма и поздний – период естественного реализма.

В ранний период Патнэм пытался решить задачу легитимации научного знания и обоснования претензий научных теорий на высказывание истины о мире, для чего ему необходимо было доказать наличие неразрывной связи между значением понятия и объектом, выражаемым в данном понятии [2, с. 412–413]. Согласно идеям Патнэма раннего периода существует ядро значения и находящиеся на периферии сопутствующие значения [2, с. 412–413]. Он считал, что концептуализация понятий – это процесс превращения метафоры в понятие, при котором сам процесс концептуализации детерминирован референтом, благодаря чему собственно и возникает ядро значения, а также строгая привязка значения к объекту.

В период внутреннего реализма Патнэм становится противником так называемого метафизического реализма, которому свойственна платоническая идея о возможности отражения реальности в мышлении. Наряду с идеей отражения, по мнению Патнэма, метафизическому реализму присуще еще две идеи. Первая – идея возможности лишь одного, исчерпывающе полного и достоверного описания мира. Вторая идея заключается в том, что метафизический реализм признает, как считает Патнэм, существование независимой от челове-

ского сознания объективной реальности как некой завершенной совокупности объектов и свойств [3, с. 112]. На этом этапе философ отходит от идеи константных значений и встает на позицию изменчивости значений в зависимости от контекста. Этот вывод можно сделать исходя из того, что Патнэм постулирует идею об отсутствии строгой привязки значений к референтам-объектам. Это означает, что в наших описаниях реальности невозможно различить отдельные языковые единицы, которые соответствовали бы конкретным объектам в реальности [4, с. 73–74]. Таким образом, Патнэм постулирует невозможность отделить объективную реальность и концептуальные схемы в наших описаниях объектов, что приводит к идее невозможности отделения фактов от описывающих их концептуальных схем и ценностей. В результате отношения языка и реальности становятся непрозрачными, поскольку четко их разделить становится невозможным, а научные понятия больше не могут считаться объективными отражениями мира, имея в своем содержании также субъективную часть.

Несмотря на то, что Патнэм периода внутреннего реализма отказался от концепции корреспондентной истины [5, с. 14], он отвергает релятивизм Рорти и настаивает на том, что истина не может быть сведена к простому соглашению, а объективность к «солидарности» [6, с. 177]. Патнэм считает, что Рорти опровергает сам себя, ведь его позиция предполагает претензию на истинность выводов или как минимум оправданность за пределами его субкультуры [7, с. 58].

В период естественного реализма Патнэм перевел фокус внимания с проблемы соотношения языка и реальности на проблему восприятия в целом. Основным объектом его критики становится картезианское представление о восприятии. Сутью картезианской концепции восприятия, по мнению Патнэма, является представление о том, что ментальные образы – это часть сознания, которая возникает вследствие воздействия на него объективной реальности. Эта парадигма, считает Патнэм [4, с. 80–81], сменила предыдущую, основанную на идеях Аристотеля о том, что восприятие – это изменение, которое производит воспринимаемое тело в душе воспринимающего человека через посредство его тела [8, с. 407].

Патнэм предлагает вернуться к аристотелевской модели, только в ее «неметафизическом» варианте. Он говорит, что новый подход «требует осознания того, что чувственный опыт – это не пассивное реагирование объекта, называемого сознанием, а (по большей части) переживание в опыте различных аспектов мира живым существом» [9, с. 482]. Свое видение реализма Патнэм строит на отказе от концепции истины как отдельного свойства истинных предложений. Для него фраза о том, что предложение истинно эквивалентна содержанию утверждения этого истинного предложения. Он строит свое видение на идеях Витгенштейна, который, как считает Патнэм, не ищет отдельно стоящее свойство истины, которое раскрывало бы природу высказываний, природу их соответствия реальности, а обращает наше внимание на отдельные виды дискурса, такие как, например, этика, математика, религия, в которых он подчеркивает различное функционирование и разные способы связи с реальностью. В свете этого истина предстает как определенный вид правильности, которая варьируется от дискурса к дискурсу [9, с. 515]. Нельзя не заметить, что обращение к идее дискурсов Витгенштейна роднит позднего Патнэма с Рикёром, который в своей концепции метафорической истины выделял поэтический дискурс как отдельный вид дискурса.

В свою очередь Поль Рикёр напрямую не затрагивал проблемы реализма–антиреализма, однако в рамках концепции метафорической истины достаточно подробно разрабатывал проблемы онтологии, что уже позволяет рассматривать его идеи через призму бинарной оппозиции реализма и антиреализма, если понимать ее в ключе спекулятивного реализма. Спекулятивные реалисты понимали под реализмом любую философию, обеспечивающую прямой доступ к реальности, соответственно, любая философия, не обеспечивающая такого доступа, в рамках этой позиции понимается как относящаяся к антиреализму. При таком подходе любую философскую позицию можно определить в категориях реализма–антиреализма. В своей концепции метафорической истины Рикёр через разработку проблематики референции выходит на поле онтологических рассуждений, итогом чего становится идея существования мира метафоры как самостоятельного референта. Однако для классификации идей Рикёра в качестве реализма или антиреализма необходимо разобраться в том, подразумевает его концепция референта прямой доступ к реальности или нет. Таким образом, идеи двух мыслителей объединяет общая для них проблематика реализма, референции и истины, что косвенно подтверждает их родство. Это дает основание для того, чтобы попытаться осуществить их синтез с целью создания методологии, максимально укрепляющей позиции неопрагматизма Хилари Патнэма как реалистической философии.

Идеи двух мыслителей подлежат сравнению через призму проблематики реализма–антиреализма, референции и истины, где под реализмом мы понимаем возможность прямого доступа к реальности, под референцией – механизм отсылки языкового значения к объекту-референту, а под истиной – соответствие между объективной реальностью и субъективным представлением о ней. Такое сравнение в случае обнаружения достаточных оснований в перспективе дает повод для того, чтобы попытаться осуществить синтез идей обоих философов с целью создания методологии, максимально укрепляющей позиции неопрагматизма Хилари Патнэма как реалистической философии. Поскольку на данный момент в англоязычной и русскоязычной литературе не существует попыток осуществить подобный синтез, задача данной статьи приобретает особую актуальность.

Единство фактов и ценностей. Одной из точек соприкосновения философий Рикёра и Патнэма является представление о неразрывности фактов и ценностей. В концепции Рикёра этот момент получает свое выражение в тезисе об обязательности наличия эвристического вымысла в научных моделях [10, с. 111]. Путь, по которому Рикёр приходит к этой идее, достаточно витиеват. Так, у французского философа метафора – это стратегия дискурса, посредством которой язык, избавляясь от функции прямого описания, поднимается на «мифический уровень», где высвобождается его функция открытия [10, с. 116]. Языковая же функция открытия тесным образом связана с его эвристической функцией, поэтому Рикёр много внимания уделяет именно ей. Он высказывает примечательные мысли на ее счет в процессе осуществления посредством семантической теории С. М. Тербэйна критики «онтологического порыва», свойственного метафоре. Тербэйн рассматривал метафору как намеренное введение в заблуждение, а также как категориальное злоупотребление в смысле подмены атрибутивных признаков – вменении признаков, присущих одним предметам, совершенно другим предметам. Поскольку с грамматической точки зрения метафорическое высказывание ничем не отличается от обычного, подмена, осуществляемая метафорой, как

считал Тербэйн, легко может быть незамеченной, таким образом, она заставляет человека верить в вымышленный мир. В целом, семантический анализ Тербэйна направлен на то, чтобы обнаружить в метафоре признаки притворства и впоследствии разоблачить. Эти признаки ученый называет «виртуальный различительный признак “притворства”» [10, с. 129]. Однако, как считает Рикёр, Тербэйн упускает из вида наличие эвристического вымысла в научных моделях, поскольку полностью игнорирует их метафорический аспект. Учитывая, что Патнэм периода внутреннего реализма не отделял факты от описывающих их концептуальных схем и ценностей, он легко бы присоединился к подобной критике Тербэйна со стороны Рикёра.

Представление о понятии. Сходство философии Патнэма с идеями Рикёра можно усмотреть в представлении о понятии. Рикёр не разделяет концепцию языка Деррида, которая предполагает, что все понятия – это просто бывшие метафоры [11], о чем писали еще Ницше [12, с. 367] и Руссо [13]. Рикёр не отрицает, что понятия могут в качестве своего истока иметь метафору, однако считает, что понятийный генезис намного шире. Так, понятие содержит в себе смыслы, истоком которых не является метафора. Это подтверждается тем, что когда происходит реабилитация метафорической составляющей в понятии, то последнее перестает быть таковым. Понятие в этом случае теряет смысл как имя, выражающее определенное значение, содержание которого не метафорично. Тем не менее, Рикёр не считает, что понятие имеет исторически непреходящую сущность. Более того, Рикёр полагает, что понятие формируется контекстуально в процессе коммуникации [10, с. 234–236], а это в свою очередь противоречит идеям Патнэма раннего периода, предполагающим, что существует ядро значения и находящиеся на периферии сопутствующие значения [2, с. 412–413]. Тем не менее эти идеи Рикёра уже больше согласуются с патнэмовской концепцией внутреннего реализма, в которой он постулирует невозможность отделить объективную реальность и концептуальные схемы в наших описаниях объектов [4, с. 73–74].

Рикёр видит концептуализацию понятий, под которой он понимает процесс превращения метафоры в понятие, как сочетание лексикализации и делексикализации. Лексикализация есть ни что иное как формирование обиходного значения слова, которое мы называем буквальным, противопоставляя метафорическому. Это происходит благодаря наличию семантической недостаточности, возникающей вследствие появления новых способов вопрошания в языке. Функцию восполнения семантической недостаточности выполняет лексикализованная метафора [10, с. 239–241]. Делексикализация же, как пишет Рикёр, – это омоложение изношенной метафоры. Здесь мы опять сталкиваемся с эвристическим вымыслом, «переописанием», свойственным метафорической истине. В результате делексикализации понятия на месте изношенной мертвой метафоры возникает новая живая, а не просто раскрывается изначальный смысл первой метафоры [10, с. 243]. Патнэм касался вопроса о природе концептуализации понятий в период научного реализма. Он не считал, что концептуализация понятий – это процесс превращения метафоры в понятие. Для него процесс концептуализации обусловлен, прежде всего, детерминацией со стороны референта, благодаря чему возникает ядро значения и строгая привязка значения к объекту. На этапе внутреннего реализма Патнэм отходит от идеи константных значений и стоит на позициях изменения значений в зависимости от контекста. Этот вывод можно сделать исходя из того, что Патнэм

постулирует идею о том, что значения не привязаны строго к референтам-объектам и в наших описаниях реальности вообще нельзя различить объективные, независимые от языка объекты и сами концептуальные схемы, их описывающие [4, с. 73–74].

Онтология. Очень важной с точки зрения сравнения концепции метафорической истины Поля Рикёра и философии Хилари Патнэма является тема онтологии. В своей концепции Рикёр совершает выход на онтологический уровень. Так, решая проблему обоснования метафорической референции, он стремится зафиксировать существования метафорического в самом мире. Для фиксации этой «метафорической реальности» Рикёру нужно доказать возможность сохранения единства мыслимого «объекта», к которому нас отсылает та или иная метафора. Однако это единство оказывается проблематичным, поскольку по своей природе поэтический дискурс и метафора как стратегия дискурса сопротивляются категоризации, необходимой для формирования понятий о реальности [10, с. 277–297]. Эту проблематичность Рикёр решает через замену категориального единства на единство аналогическое, которое соответствует природе метафоры. Однако между чем возникает аналогическое единство? Оно возникает между актом, движением, действием и произведением как семантическими значениями, в результате чего на онтологическом уровне появляется соответствующий им род дообъектного бытия, которое представляет собой некое первичное вовлечение субъекта в мир. То есть возникает некая промежуточная между субъектом и объектом инстанция, которая тем не менее уже есть часть онтологии, поскольку существует за пределами языка. Таким образом, на уровне мышления неразличение значений деяния, мастерства и движения и слияние их в одно значение акта соответствует дообъектному роду бытия на уровне онтологии. Для обозначения этого рода бытия Рикёр использует термин Аристотеля «фюзис», который метафорически определяется как цветение, берущее начало в себе самом. На уровне семантики значению фюзиса соответствует значение акта [10, с. 284].

Патнэм периода научного реализма занимался в основном проблемами теории значения, что относится к проблемам гносеологии, а не онтологии. Но мы можем, однако, вывести некие потенциальные онтологические выводы из его философии. Так, пытаясь обосновать неразрывную связь между значением понятия и объектом, выражаемым в данном понятии [2, с. 412–413], он, помимо того, что пытается решить задачу легитимации научного знания и обоснования претензий научных теорий на высказывание истины о мире, подспудно подразумевает онтологию, которая, по-видимому, носит «объектный» характер, т. е. представляет реальность как совокупность объектов. Однако едва ли в такой картине мира предполагается возможность существования дообъектной реальности, подобной рикёровскому фюзису. Несмотря на явное несовпадение между идеями Рикёра и Патнэма в этом отношении, стоит отметить то, что их явно объединяет – концентрация на объектах как основе онтологии, что, правда, справедливо в случае Рикёра лишь по отношению к его умозрительному дискурсу. Однако, как мы уже отмечали, Патнэм на этапе внутреннего реализма отходит от корреспондентной теории истины как соответствия языка и реальности, полагая, что мы не можем говорить о мире как некой совокупности объектов вне концептуальных схем [4, с. 73–74]. Такое видение вполне согласуется с концепцией «фюзиса» как некоего дообъектного бытия, по крайней мере не противоречит этому. Однако здесь Патнэма можно обвинить в антиреализме, поскольку, исходя из его логики, мы уже не имеем непо-

средственного доступа к реальности, и вопрос о способах подтверждения ее существовании становится очень острым, при этом Патнэм не дает на него ответа. Внутренний реализм Патнэма также постулирует неразрывность фактов и ценностей [4, с. 11–12], что как будто бы согласуется с идеей метафорической истины и метафорической референции. Правда, Рикёр все же строго отличает поэтический дискурс от дискурса умозрительного, в отношении которого он, по всей видимости, придерживается традиционного представления о мире как о совокупности объектов, выступающих референтами, определяющими значения. Хотя это нельзя утверждать однозначно, поскольку Рикёр нигде не говорит об этом напрямую, а косвенных признаков, указывающих на это, недостаточно.

Важно также отметить, что идея напряжения, являющаяся стержневой для концепции метафорической истины Рикёра, опирается на концепт диалектики, что в свою очередь является если не методологически чуждым философии Патнэма, то по крайней мере явно неродственно его методологии. При этом онтология Рикёра также опирается на эту идею. Как он пишет, напряженная истина поэзии выражает изначальную диалектическую связь между опытом принадлежности и способностью к дистанцированию, которая открывает пространство умозрительной мысли [10, с. 279–297]. Патнэм же концентрирует свое внимание исключительно на умозрительном дискурсе в терминах Рикёра, которому свойственно то самое дистанцирование. Оптика раннего Патнэма не настроена на различие связи между значениями ненаучного порядка и их референтами. Этого нельзя сказать об оптике Патнэма времен внутреннего реализма, где факты и ценности представляют собой неразрывное единство. Тем не менее на данном этапе проблематичной становится само наличие какой-либо онтологии.

Концепция референции. Многое о соотношении идей Рикёра и Патнэма может сказать нам сравнение их концепций референции. Рикёровская концепция референции прежде всего носит тотальный характер в том смысле, что является главным свойством языка. Рикёр считает, что язык всегда отсылает нас за пределы самого себя. Патнэм, хотя напрямую и не утверждал подобного, все же вполне согласился бы с Рикёром, по крайней мере в отношении научных высказываний, поскольку считал, что термины всегда отсылают нас к реальности, будучи неразрывно связанными с объектами. Однако такой подход свойственен раннему Патнэму, и в период внутреннего реализма он уже критикует концепцию референции как представление о том, что референты строго привязаны к значениям и их детерминируют. Патнэм обращается к идее языковых концептуальных схем, которые отражают неразрывную связь между языком и реальностью, в результате чего отношения языка и реальности становятся непрозрачными, поскольку четко их разделить становится невозможным. Он считает, что научные понятия не являются объективными отражениями мира, а содержат в себе также субъективную часть.

Однако стоит также отметить одно важное расхождение во взглядах на референцию раннего Патнэма и Рикёра. Если Патнэм раннего периода считал, что референция имеет место только тогда, когда высказанный термин находится в каузальной зависимости к вещи, которую говорящий имел намерение указать, то Рикёр, судя по его тезису о природной склонности языка к выходу за пределы самого себя, мыслил противоположным образом. Однако едва ли можно сказать об этом однозначно, ведь референция связывает как язык, так

и мир, и где начало, а где конец – определить трудно. Идея о семантической недостаточности как источнике концептуализации понятий также не дает ответа на вопросы, что является первичным в этом отношении между языком и миром и что находится в каузальной зависимости от другого. Тем не менее тот факт, что Рикёр в концепции «фюзиса» постулирует онтологические выводы, говоря о метафорическом в самом мире, позволяет, на наш взгляд, утверждать, что язык все же находится в каузальной зависимости от мира. Однако остается вопрос, насколько этот постулат Рикёра концептуально обоснован в рамках его же концепции?

Рикёр и его концепция метафорической референции явным образом относится к тому, что Патнэм периода внутреннего реализма называл магическими теориями референции, которым, как считал Патнэм, свойственно представление о способности сознания, благодаря чему слова и другие ментальные образования могут указывать на (или обозначать) определенные объекты. Примером такой способности является интенциональность [4, с. 15–16]. Магическую теорию референции Патнэм периода внутреннего реализма считал одной из составляющих метафизического реализма. Как пишет И. Д. Джохадзе, метафизический реализм в версии Патнэма обладает следующими признаками: 1) признание объективной реальности, независимой от человеческого сознания, как некоторой «устойчивой совокупности» объектов и свойств; 2) понимание истины как «отношения соответствия между словами или знаками-мыслями (thought-signs) и внешними вещами или множествами вещей»; 3) наличие одного исчерпывающе полного и достоверного описания мира – реальности «как она есть» [3, с. 112]. Рикёр как наследник идей феноменологии Гуссерля, конечно же, отчасти мыслит именно в этой парадигме. Однако в то же время Рикёр вслед за Хайдеггером преодолевает эту парадигму мышления через постулирование примата укорененности мышления в мире над актом установления дистанции по отношению к объектам, которые свойственны интенциональности [14, с. 82–83]. Это одновременно продолжает и переворачивает гуссерлевскую феноменологию, переводя ее в русло онтологии.

Эссенциализм значений. Представление о соотношении концепций Рикёра и Патнэма может дать то, как они определяют границы значения. Так, раннего Патнэма в этом отношении можно отнести к направлению эссенциализма. Он считал, что термины естественных видов детерминированы самими референтами, что предполагает наличие некой постоянной сущности, природы, объединяющей все объекта того или иного вида. Патнэм строит свою концепцию референции, основанную на отрицании традиционной концепции, свойственной аналитической философии. Также он отрицает и традиционное понятие аналитической истины, которое предполагает, что аналитически истинным можно считать лишь необходимо истинное (справедливое для всех миров) и одновременно априорное суждение. Его соавтор Крипке, в свою очередь, показал, что необходимо истинными (истинными во всех возможных мирах) могут быть не только априорные суждения, но и суждения, полученные эмпирическим путем [15, с. 55]. Из этого следует, что ни внешние (феноменологические) признаки естественных видов, ни их внутренние свойства не могут считаться аналитическими истинами, поскольку не являются одновременно необходимо истинными и априорными. Поэтому, согласно Патнэму, естественные виды не имеют аналитических определений [16, с. 73]. Патнэм отрицает также и традиционную концепцию значения, которая отождествляет значение с экстенсионалом, т. е. неким множеством объектов, относящихся

к виду, либо с интенционалом, т. е. функцией, определяющей экстенционал термина в зависимости от того, о каком из возможных миров мы говорим. Это значит, что традиционная концепция значения не учитывает наличия некоего смыслового излишка в составе значения [4, с. 40–44]. Рикёр, говоря об ошибке буквальной референции, вследствие которой происходит расщепление последней и формирование референции второго порядка, мыслит ошибку как приписывание признаков одних предметов совершенно другим. Значит ли это, что он полагает возможным указать свойства, обладание которыми явилось бы необходимым и достаточным условием для вхождения в экстенционал термина? По-видимому, это не совсем так, ведь Рикёр считал существование терминов, т. е. значений зависимым от контекста. Следовательно, можно сделать вывод, что Рикёр расходится с ранним Патнэмом-эссенциалистом, однако вполне сходится с Патнэмом в более поздний период, когда он отходит от позиции эссенциализма.

Реализм и антиреализм. Проблема реализма и антиреализма является одной из ключевых для понимания того, как рикёровская концепция метафорической истины соотносится с философией Патнэма. Несмотря на то, что Патнэм уже в период научного реализма отходит от позиции, сутью которой было представление о том, что корреспондентная теория истины есть очевидность, а не гипотеза, требующая соответствующего философского обоснования, он все же не отступает от своего главного принципа – принципа реализма, имеющего в рамках периода научного реализма свое выражение в корреспондентной теории истины, где последняя выходит за рамки отдельных научных теорий в противовес представлению об истине Фейрабенда и Куна, которых Патнэм на этом основании считает антиреалистами [4, с. 158–169]. Реалистическая интуиция сохраняется и в период внутреннего реализма, где Патнэм, однако, отходит от позиции, названной им «метафизическим реализмом», в основе которой лежит, по его мнению, корреспондентная теория истины [4, с. 70]. Таким образом, ранний Патнэм, как нам представляется, отчасти соответствует Рикёру, который также воспринимает теорию референции как теорию соответствия реальности и языка, в то время как Патнэм периода внутреннего реализма уже с трудом соотносится с концепцией Рикёра в этом аспекте, хотя реалистическая интуиция, как представление о том, что истина выходит за рамки отдельных теорий, по-прежнему объединяет Рикёра и Патнэма. Эта же интуиция сохраняется и в теории метафорической референции, несмотря на то, что структурная связь между языком и миром в случае последней является абсолютно непрозрачной, что делает эту концепцию схожей с видением соотношения языка и реальности Ричарда Рорти, который так же, как и Патнэм периода внутреннего реализма, отказался от концепции корреспондентной истины [5, с. 14]. В то же время Патнэм отвергает релятивизм Рорти и настаивает на несводимости истины к соглашению, а объективности к «солидарности» [6, с. 177], считая позицию Рорти самоопровергающейся, поскольку последний претендует на то, что его выводы истинны или как минимум оправданны не только для его субкультуры [7, с. 58].

Однако можно ли назвать Рикёра метафизическим реалистом, учитывая, что феноменология методологически явно противоречит первому признаку метафизического реализма, предполагающему признание реальности, независимой от нашего сознания? Хотя существует мнение спекулятивного реалиста Грэма Хармана о том, что Гуссерль с его интенциональными

объектами в действительности был реалистом [17, с. 104–105]. Кстати, в понимании, очень близком к метафизическому реализму Патнэма, все же это мнение не является общепризнанным. Рикёр, наследуя идеям Хайдеггера, очевидно, считает возможным познание истины, однако специфика онтологии Хайдеггера такова, что она не позволяет представить истину как некое соответствие между словами и вещами, поскольку такое возможно лишь в парадигме противопоставления субъекта и объекта. Мы также не можем четко заключить, считал ли Хайдеггер возможным существование объективной реальности, независимой от сознания. Такая позиция в принципе с трудом поддается идентификации по линии реализм–антиреализм, тем не менее очевидно, что Рикёр, разделяя ее, не может быть назван метафизическим реалистом в том виде, в каком его понимал Патнэм.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении Рикёр оказывается, скорее, похожим не на метафизического реалиста в терминологии Патнэма, а на внутреннего реалиста, поскольку явно стоит на гносеологической позиции, признающей истину как нечто внетеоретическое. Реальность представлена у Рикёра как неделимая на объекты, что уже несколько противоречит все тому же первому признаку метафизического реализма, согласно которому реальность состоит из некоторой фиксированной совокупности, независимой от сознания объектов. Такое видение Рикёра полностью соответствует взгляду концепции внутреннего реализма Патнэма.

Однако, как уже отмечалось, принятие Патнэмом выводов Нельсона Гудмена о том, что мы не можем сравнивать описания мира с реальностью вне этих описаний, влечет за собой последствие в виде отказа от понятия истины и замену его на понятия «когерентность», «правильность подгонки», «рациональная утверждаемость» и т. д. [1, с. 79]. Рикёровское понятие фюзиса, похоже, все же претендует на статус объективной реальности, независимой от сознания, что в свою очередь отдаляет позицию Рикёра от позиции Патнэма периода внутреннего реализма. Хотя все же надо учитывать, что Рикёр разделяет хайдеггеровскую идею «бытия в мире» [18] как изначальной онтологической укорененности сознания [19], следствием чего является отказ от идеи истины как субъект–объектного отношения, а следовательно, и от идеи объективной реальности, т. е. реальности, существующей независимо от сознания. В таком случае взгляд Рикёра выглядит схожим со взглядом внутреннего реализма, тем более, что Патнэм и в этот период отстаивал реалистическую направленность своей философии, что, на наш взгляд, отличает и позицию Рикёра, если к ней вообще применима дихотомия реализма–антиреализма.

Заключение. Синтез философских идей Хилари Патнэма с концепцией метафорической истины Поля Рикёра, безусловно, осложняется тем фактом, что идеи Патнэма в разные периоды эволюции его взглядов довольно радикально изменялись, порой на противоположные. Так, если ранний Патнэм придерживался идеи эссенциализма, считая необходимой строгую привязку понятия к объекту, то в период внутреннего реализма он отказывается от этой идеи, постулируя неразрывность фактов и ценностей, что в свою очередь ослабляет позиции философии Патнэма как реалистической. И здесь Рикёр действительно может предложить определенные пути синтеза, позволяющие укрепить позиции философского реализма, поскольку его методология сочетает в себе идею единства фактов и ценностей, что

отражается в его представлении о наличии эвристического вымысла в научных моделях, с идеей фюзиса, выражающей переход на уровень онтологии. Рикёровская онтология, предполагающая существование дообъектного бытия, хорошо сочетается с патнэмовской концепцией языковых концептуальных схем, в рамках которых невозможно четко определить границы объектов, при этом предлагает более обоснованный переход от субъективной реальности к объективной, чем патнэмовский внутренний реализм. В целом можно констатировать, что методология Рикёра оказывается действительно полезной для развития идей внутреннего реализма, в то время как с идеями научного, или естественного реализма у концепции Рикёра мало точек соприкосновения, хотя с последним концепцию Рикёра роднит идея существования различных дискурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макеева Л. Б. Философия Х. Патнэма. М.: ИФ РАН, 1996.
2. Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки: сб. пер. / под общ. ред. Б. С. Грязнова, В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978.
3. Джохадзе И. Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма // Философские науки. 2011. № 4. С. 112–127.
4. Патнэм Х. Разум, истина и история / пер. с англ. Т. А. Дмитриева, М. В. Лебедева. М.: Практис, 2002.
5. Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / сост. А. А. Сыродеева; отв. ред. А. Рубцов. М.: Традиция, 1997.
6. Джохадзе И. Д. Патнэм vs Рорти: спор о прагматизме и релятивизме // Эпистемология & философия науки. 2011. № 4. С. 175–190.
7. Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
8. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
9. Putnam H. Sense, Nonsense, and the Senses: An Inquiry into Powers of the Human Mind // Journal of Philosophy. 1994. № 9. P. 445–517. DOI: <https://doi.org/10.2307/2940978>.
10. Рикёр П., Гадамер Х.-Г. Феноменология поэзии / пер., ред. и коммент. Ф. Станжевского и др. М.: РИПОЛ классик: Панглосс, 2019.
11. Derrida J. White Mythology: Metaphor in the Text of Philosophy // New Literary History. 1974. Vol. 6, № 1. P. 5–74. DOI: <https://doi.org/10.2307/468341>.
12. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле / пер. с нем. Л. Завалишина // О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров. Утренняя заря: сб. Минск: Попурри, 1999. С. 361–377.
13. Руссо Ж.-Ж. Сочинения / пер. с фр. Н. И. Кареева. Калининград: Янтарный сказ, 2001.
14. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика / пер. с фр. М.: Academia, 1995.
15. Putnam H. Possibility and Necessity // Realism and Reason: Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. P. 46–68.
16. Putnam H. Reference and Truth // Realism and Reason: Philosophical Papers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. P. 69–86.
17. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А. А. Писарева. М.: РИПОЛ классик, 2019.
18. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
19. Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / пер. с фр. И. С. Вдовина. М.: Искусство, 1996.

Информация об авторе.

Ильин Петр Александрович – аспирант (культурология) Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; педагог-организатор школы № 636, наб. реки Мойки, д. 38, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор 2 научных публикаций. Сфера научных интересов: неопрагматизм, философский реализм.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 11.05.2022; принята после рецензирования 02.11.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.

REFERENCES

1. Makeeva, L.B. (1996), *Filosofiya Kh. Patnema* [Philosophy of H. Putnam], IF RAN, Moscow, RUS.
2. Gryaznov, B.S. and Sadovskii, V.N. (eds.) (1978), *Boston Studies in Philosophy of Science*, Progress, Moscow, USSR.
3. Dzhokhadze, I.D. (2011), "Hilary Putnam's Pragmatic Realism", *Russian J. of Philosophical Sciences*, no. 4, pp. 112–127.
4. Putnam, H. (2002), *Reason, Truth and History*, Transl. by Dmitriev, T.A. and Lebedev, M.V., Praxis, Moscow, RUS.
5. *Filosofskii pragmatizm Richarda Rorti i rossiiskii kontekst* [Philosophical pragmatism of Richard Rorty and the Russian context] (1997), Syrodeeva, A.A. (comp.), Rubtsov, A. (resp. ed.), Traditsiya, Moscow, USSR.
6. Dzhokhadze, I.D. (2011), "Putnam vs Rorty: the debate about pragmatism and relativism", *Epistemology & Philosophy of Science*, no. 4, pp. 175–190.
7. Dzhokhadze, I.D. (2001), *Neopragmatizm Richarda Rorti* [The neopragmatism of Richard Rorty], Editorial URSS, Moscow, RUS.
8. Aristotel' (1976), *Sochineniya* [Compositions], in 4rd vol., vol. 1, Mysl', Moscow, USSR.
9. Putnam, N. (1994), "Sense, Nonsense, and the Senses: An Inquiry into Powers of the Human Mind", *J. of Philosophy*, no. 9, pp. 445–517. DOI: <https://doi.org/10.2307/2940978>.
10. Ricoeur, P. and Gadamer, H.-G. (2019), *Fenomenologiya poezii* [Phenomenology of poetry], Trans., ed. and comment. Stanzhevskii, F. et al., RIPOL klassik, Pangloss, Moscow, RUS.
11. Derrida, J. (1974), "White Mythology: Metaphor in the Text of Philosophy", *New Literary History*, vol. 6, no. 1, pp. 5–74. DOI: <https://doi.org/10.2307/468341>.
12. Nietzsche, F. (1999), "On Truth and Lies in the Extramoral Sense", *O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni. Sumerki kumirov. Utrennyaya zarya* [About the benefits and harms of history for life. Twilight of idols. Morning dawn], Transl. by Zavalishin, L., Popurri, Minsk, BLR, pp. 361–377.
13. Rousseau, J.-J. (2001), *Sochineniya* [Compositions], Transl. by Kareev, N.I., Yantarnyi skaz, Kaliningrad, RUS.
14. Ricoeur, P. (1995), *Germenevtika. Etika. Politika* [Hermeneutics. Ethics. Politics], Transl., Academia, Moscow, RUS.
15. Putnam, H. (1983), "Possibility and Necessity", *Realism and Reason: Philosophical Papers*, vol. 3, Cambridge Univ. Press, Cambridge, GBR, pp. 46–68.
16. Putnam, H. (1985), "Reference and Truth", *Realism and Reason: Philosophical Papers*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, GBR, pp. 69–86.
17. Harman, G. (2019), *Speculative realism: an introduction*, Transl. by Pisarev, A.A., Ripol klassik, Moscow, RUS.
18. Heidegger, M. (1997), *Sein und Zeit*, Transl. by Bibikhin, V.V., Ad Marginem, Moscow, RUS.
19. Ricoeur, P. (1996), *Le conflit des interprétations Essais d'herméneutique*, Transl. by Vdovin, I.S., Iskusstvo, Moscow, RUS.

Information about the author.

Peter A. Ilyin – Postgraduate (Culturology), Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; teacher-organizer, school № 636, 38 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of 2 scientific publications. Area of expertise: neopragmatism, philosophical realism.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 11.05.2022; adopted after review 02.11.2022; published online 22.02.2023.*